

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Э. А. Зелентдинова

Политическая культура и
политические ориентации жителей
российской провинции

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zeletdinova_RAPN.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20-22 ноября 2009 г.**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОРИЕНТАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИИ**

Эльвира Анваровна ЗЕЛЕТДИНОВА

доктор политических наук, профессор,
кафедра социологии и психологии,
Гуманитарный институт,
Астраханский государственный технический университет,
Астрахань

Доклад представлен на Пятый Всероссийский конгресс политологов.

Специальное заседание:
С7 «Политическая культура современной России».

22 ноября 2009 г.

Проблема формирования и развития политической культуры населения, несмотря на многолетнее и пристальное внимание к ней (работы Г. Алмонда, Д. Аптера, С. Хатингтона), остается в поле научного и исследовательского интереса ученых разных специализаций: историков, социологов, политологов.

Разные категории населения в зависимости от собственных представлений о путях и направлениях развития страны, своего экономического положения, реализации личных планов и т. п. вкладывают разное содержание в понятие сильного государства, демократических путей его развития. Но в конечном итоге, все они сходятся на создании условий для сочетания развития экономической стабильности и сильного государства, гарантирующего порядок и защиту.

В России в результате политических изменений рубежа 80-90-х годов в условиях слабости центральной власти гарантии общественного порядка и защиты, потребность в которых на начальном этапе демократического перехода выходит на первый план, давались региональными властями. Это стало основой их легитимации и ускорило процесс регионализации страны, сделало его во многом вынужденной. Процесс регионализации, как движение к преимущественной ориентации на региональные приоритеты в стране, имел объективные основания: в прошлом сверхцентрализованное управление находилось в конфликте с географическими, хозяйственными и этнокультурными особенностями территорий, что вело к диспропорции в распределении производственных сил, в уровне освоенности и развития социальной сферы отдельных регионов. К числу субъективных причин регионализации можно было отнести лишь номинальное выполнение Центром значительного числа функций, отнесенных по Конституции к исключительному ведению Федерации.

Регионализация стала пониматься не только как процесс освоения региональными властями свойства субъекта политики на территориальном и федеральном уровне, но и как процесс осознания все большей частью населения своей принадлежности к общностям, значительно меньшим, чем государство. Смещению политических ориентаций населения в сторону региональных институтов и органов власти способствовал и процесс регионализации общественного сознания в результате процесса разобщения экономического, социального, политического и ресурсно-экологического потенциала страны. Иначе говоря, регионализация сознания явилась ответом на кризис общенациональной идентичности. Этот феномен возник в 1990-1993 гг. в российских республиках и стимулировал похожий процесс в областях.

Традиционный этатизм российского социоцентрического общества при недовольстве центральной властью заставляла народ искать опору не в общественных

организациях и институтах гражданского общества, которые в России слабы, а в других властных структурах. И поскольку уровень доверия ко всем ветвям центральной власти в 90-е гг. постоянно падал, поиск опоры переносился на другой, региональный, уровень. Замеры общественного мнения на протяжении 1990-х гг. демонстрировал обратно пропорциональную зависимость оценок центральной и региональной властей жителями Астраханской области. Если в первой половине 90-х годов¹ жители обвиняли местных руководителей в плохой реализации государственной политики, и более 40 % астраханцев уповали на центральную власть, то на исходе десятилетия свои надежды на улучшение жизни они возлагают на руководство области. В исследовании весны 1999² года только 8,6 % астраханцев отметили, что положение в области зависело от московских властей. 80,8 % жителей оценивали положение в стране в целом как катастрофическое или кризисное. В то же время положение в регионе оценивалось на среднем по стране уровне (57 % населения) и даже выше, чем в других регионах (27,9 %).

Этот разрыв между оценками, которые респонденты дают социальной, экономической и политической ситуации в своих регионах и в стране в целом, фиксировался в самых различных исследованиях общественного мнения. Например, по данным ВЦИОМ, в мае 1999 г. 24% россиян оценивали экономическое положение в своем городе, регионе как хорошее или среднее, 52% – как плохое и 16% – как очень плохое, тогда как экономическое положение в стране считали средним или хорошим 11%, плохим 49; и очень плохим 34%³ (см. табл. 1).

Таблица 1. Оценка положения в регионах и стране в целом жителями Астраханской области и других регионов.

Оценки положения	По данным ВЦИОМ ⁴		По данным Астраханской области ⁵	
	в стране	в регионе	в стране	в регионе
хорошее и среднее	11%	24%	17,2%	27,9%
плохое	49%	52%	45,1%	57,0%
очень плохое	34%	16%	35,7%	11,1%

¹ По результатам социологических исследований «Социально-политические ориентации жителей г. Астрахани накануне губернаторских выборов 1996 г.» (выборка 500 чел.). Астрахань, АГТУ, Интеллект, 1996.; «Социально - политические ориентации жителей районов Астраханской области накануне губернаторских выборов 1996 г. (выборка 400 чел.). Астрахань, АГТУ, Интеллект, 1996.

² По результатам социологических исследований «Социально-политические ориентации жителей Астраханской области» (выборка 500 чел. по квотной районной выборке). Астрахань, АГТУ. 1999; «Социально-политические ориентации жителей г. Астрахани» (выборка 500 чел.). Астрахань, АГТУ, 1999.

³ См.: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1999. № 3. С. 66.

⁴ Там же.

⁵ По результатам социологических исследований «Социально-политические ориентации жителей Астраханской области» (выборка 500 чел. по квотной районной выборке). Астрахань, АГТУ. 1999; «Социально-политические ориентации жителей г. Астрахани» (выборка 500 чел.). Астрахань, АГТУ, 1999.

Таким образом, в отсутствии четких целей развития страны в целом и общей объединительной идеи региональные власти и население регионов ориентируются на локальные интересы и региональные приоритеты.

Привязка идентичности к административным единицам к концу 90-х гг., несмотря на кажущуюся «искусственность» и «официальность» становилась основной. Регионализация сознания стала ответом на кризис общероссийской идентичности и результатом нового соотношения региональных, национальных и общегражданских ценностей. Регионализацию сознания подхлестнули деградация унитарной модели государственного устройства, при которой сглаживались многие межрегиональные различия, «провинциальная идентичность» в результате обострения этих различий, падение политической дееспособности Центра.

В Астраханской области важнейшим фактором регионализации сознания явилась высокая укорененность населения (90%) и низкая исходящая миграция (более 65% с момента рождения живут в Астраханской области). Закрепление в общественном сознании региональной идентичности было успешно использовано властью: «астраханские корни» стали важным аспектом их легитимации, их внутренней консолидации.

Все 90-е годы ситуация относительной стабильности в регионе и проводимая властными элитами политика помогала населению искать свое место в составе региональной общности, ощущать себя ее частью (57,7% опрошенных идентифицировали себя как «я – астраханец»). 33,2% астраханцев верили в процветание Астрахани, еще 33,6% отвечали, что любят свою малую Родину, несмотря ни на что. (Только 6% опрошенных астраханцев считали, что Астраханская область – «отсталый, патриархальный край»). Положительный в целом социально-психологический фон (закреплению которого в значительной степени способствует и начавшийся с 2000 г. рост промышленного производства) позволяет сохранить веру в могущество страны (31,1%), необходимость ее единства (менее 1% жителей высказались за отделение от России).

Региональная идентичность, постепенно перерастая в региональный патриотизм, все более проникающий в массы, становилась важнейшим аргументом мобилизации региональной властной элитой массовых пристрастий и основанием легитимации власти.

Это было связано и с серьезными изменениями современного положения региона: после распада союза она получила статус пограничной и активно развивает международные связи; владея ключами от Каспия, открыла здесь морской порт и проложила водные пути к пяти морям; на территории области теперь базируется Каспийская военная флотилия, и, наконец, открытые здесь крупнейшие запасы

природного газа и нефти делают область стратегически важным регионом страны и привлекательным объектом инвестирования. Кроме того, особенности социально-политической структуры региона во многом отражают срез общероссийской социальной структуры: многонациональный состав (по данным последней переписи населения на территории области проживают 1029 тыс. человек более 100 наций и народностей); сложный конфессиональный состав (исторически проживающие здесь православные русские и мусульмане-татары соседствуют с буддистами-калмыками, иудаистами-евреями, католиками и т.д.); высокая миграция населения в силу отсутствия в области (в отличие, например, от Ростовской области и Ставрополья) оградительных законов.

В то же время сознание населения Астраханской области мало отличается от показателей, характеризующих население Юга России: превалирование элементов преемственности над новаторством в политическом сознании; традиционализм и государственнические ориентации; повышенная потребность в стабильности в связи с новым географическим положением; традиционная ставка на сильного лидера и сильное государство⁶. Но не только. Социальная структура населения Астраханской области по основным социально-демографическим показателям соответствовала и соответствует средним по России. Это правомерно утверждать и относительно политических ориентаций населения. Результаты практически всех избирательных после 1990 г. соответствуют с точностью до нескольких процентов общероссийским показателям (за вычетом двух столичных центров).

Так, выборы 1990 г. принесли заметный успех «демократической оппозиции». Вместе со всей страной регион отдал в 1991 г. предпочтение Б.Ельцину (57%), но уже через два года, когда проявились издержки и тяготы постперестроечной реальности, вектор политических предпочтений изменился. На выборах в Государственную Думу 1993 г. больше всего астраханцев голосовало за ЛДПР, а спустя два года, в 1995 г. – за КПРФ (14,1%). В июле 1996 г. Б.Ельцин (46,85%) уступил несколько десятых процента Г.Зюганову (47,79%), в декабре 1999 г. победило «Единство» (32%), а марте 2000 г. – В.Путин (61%), что также соответствует общей картине (за исключением столиц и национальных республик).

Таким образом, итоги избирательных кампаний в Астраханской области правомерно рассматривать не просто как один из примеров, характерных для Нижнего Поволжья⁷ и для российской провинции в целом, а как репрезентативную модель

⁶ См.: Морозова Е.В. Современная политическая культура Юга России // Политические исследования, 1998. № 3. С.113-131.

⁷ См.: Динес В., Дурнов А. Николаев А. Динамика освоения региональной элитой современных избирательных технологий // Власть, 1999. № 8. С.77.

электорального поведения в российской провинции. Не менее важно учитывать, что в настоящее время положение в Астраханской области перестает быть ее внутренним делом. Регион занимает сегодня важнейшее геополитическое положение, служа буфером между Чечней, Дагестаном, Калмыкией и всей «остальной» Россией. И «спокойствие границ» на Северном Кавказе зависит, в том числе, и от того, насколько стабильной будет социально-политическая обстановка в Астраханской области. В этой связи обращение к исследованию особенностей формирования органов власти и властной элиты и их взаимодействия с населением в этой области приобретает понятный и закономерный научный интерес.

Своеобразие сложившейся к концу 90-х гг. ситуации заключалось в том, что недовольство народа положением в стране, практически не порождая антидемократических настроений, было переведено в субъективно-персонализированную плоскость. Главной причиной сложной ситуации и члены РВЭ, и жители Астраханской области считали деятельность людей, руководивших страной. 62,3 % рядовых астраханцев и 40 % представителей РВЭ были уверены, что "люди, которые проводили реформы, преследовали свои личные цели" и "мы выбирали во власть недостойных людей" (19,7 % населения и 20 % РВЭ).

Несмотря на то, что положение в стране в 90-е гг. оценивалось астраханцами как тяжелое (45,1%) и даже грозящее катастрофой (35,7%), только 10,2% считали, что не нужно было менять политический строй в стране. Заметим, что в аналогичном исследовании 1996 г. такое сожаление высказывали около 40% астраханцев. Даже августовский кризис 1998 года не смог переломить тенденцию к положительному оцениванию, которая складывалась в 1996 – 1998 гг. Получив опыт относительно стабильного существования при насыщении рынка в эти годы, астраханцы не были готовы вернуться к пустым прилавкам и нестабильности начала 90-х годов.

Кстати заметим, что и кризис 2009 г. воспринимается астраханцами не катастрофически. Жители области считают кризис временным явлением, а потому 32,0% надеются на улучшение положения, а еще 41,8% хоть и не рассчитывают на быстрое улучшение, но готовы потерпеть. И только 16,8% астраханцев настроено пессимистично, полагая, что ситуация будет ухудшаться.

Наши исследования⁸ 1999 г. позволило зафиксировать противоречивость сложившейся в общественном сознании ситуации: между высокой общественной

⁸ По результатам социологических исследований «Оценка членами административной элиты Астраханской области социально-политического развития региона» (методом глубинного интервью опрошено 15 руководителей (или их заместителей) подразделений Администрации Астраханской области). Астрахань, июнь-август 1999 г.; «Оценка социально-политического и экономического развития региона депутатами

потребностью в яркой политической фигуре, не имеющей отрицательной окраски, и отсутствием реальных персон такого масштаба. За год до президентских выборов 2000 г. ни рядовые астраханские избиратели, ни региональные властные элиты не видели однозначно подходящую фигуру среди российских политиков на замещение вакантной должности "хорошего" правителя. И только появление В.Путина на политической сцене страны несколько снизило уровень напряженности этого противоречия.

Объективная тенденция к авторитаризму, характеризующая позицию власти с конца 90-х гг., лишь усугубляет ее персонификацию в сознании рядовых россиян⁹. Традиционная потребность в "сильной личности" и "жесткой руке", закреплённая в массовом сознании за долгую историю Российской империи и советского тоталитаризма, не позволяет перевести недовольство результатами правления конкретного политика в недовольство такой системой правления и сформировать потребность в общественном контроле над властью и личного приобщения к политике. Изменение ситуации, порожденной правлением одного политика, видится среднему избирателю российской провинции в приходе к власти другой, "хорошей" сильной личности и "жесткой руки". Реальное изменение ситуации в стране, по мнению 50,4 % астраханцев, зависит от Президента и его Правительства (36,1 %).

На практике сохранение института сильного президентского правления соответствует представлениям о характере власти, доминирующим сегодня в российском общественном сознании. Согласно им, власть не может не быть персонифицирована: "мы для того выбирали Президента, чтобы он обеспечил нам достойную жизнь". Такую форму правления большинство россиян считает подлинно демократической. Своеобразие российского демократического перехода состоит и в том, что недемократический фактор усиления авторитарного правления может иметь и положительное, и отрицательное влияние на действие легитимационных механизмов демократизации. В зависимости от конкретного носителя этой авторитарной власти сам факт сильной власти оценивается и как способствующий демократии в стране, и как противодействующий ей.

Популярность В. Путина и связываемые с ним надежды породили мощную волну оптимизма. При этом патерналистские установки остаются в силе, и отсутствие патерналистских интенций центральной власти может обернуться массовым разочарованием и ростом социального пессимизма¹⁰. В это же время региональная власть не отказывается от исполнения патерналистских функций к своему населению и

областного Представительного собрания (ОПС)» (методом сплошной выборки опрошено 25 чел.). Астрахань, апрель-июнь 1999 г.

⁹ См.: Зелетдинова Э.А. Региональная власть: как далека она от народа? // Власть, 1999. № 11. С. 24-28.

¹⁰ См.: Кертман Г.Л. Катастрофизм в контексте российской политической культуры // Политические исследования, 2000, №4. С.13

старается отвечать ожиданиям региональной общности. Накопленный региональными властными элитами ресурс общественной поддержки и эффективной легитимности.

Серьезное влияние на изменение отношений власти и народа оказывает тип и характер массового политического сознания, имеющего свои особенности в каждом регионе. Например, анализ общественного сознания жителей Астраханской области за прошедшее десятилетие выявил его переходное состояние, свойственное общностям на этапе демократического транзита. Однако демократические признаки приобретают определенную устойчивость. Социально-политические установки стали более ориентированными на развитие рынка и менее подверженными случайным влияниям, что подтвердили опросы после августа 1998 г. Более устойчивой становится социальная самоидентификация (в основном в среднем слое), хотя продолжающиеся изменения в социально-экономической структуре общества и кризисные последствия осложняют этот процесс.

На федеральных выборах 1999-2000 гг. впервые в политических ориентациях астраханцев сложилась биполярная структура «проправительственные – оппозиционные»: на выборах 1993 и 1995 гг. оппозиционные ориентации не имели реального противовеса у партии власти (в 1993 г. за ЛДПР и КПРФ проголосовало 17,4% и 16,7% соответственно, за ДВР – 13,8%; в 1995г. за КПРФ – 24,1%, за НДР – 12,5%).

Таблица 2. Результаты выборов в ГД РФ по Астраханской области

Партии (в%)	1993 г.	1995 г.	1999 г.	2003 г.	2007 г.
ЛДПР	17,4	16,4	6,7	13,49	6,75
КПРФ	16,7	24,1	26,4	16,47	9,7
Родина				11,62	
Коммунисты СССР		6,0			
Справедливая Россия					20,17
ДВР	13,8				
НДР		10,1			
ОВР			5,4		
Единство/Единая Россия			32,3	31,7	58,0
АПР	11,0				
Яблоко	7,9	6,8	4,6		
СПС			5,4		0,41
Женщины России	10,1	5,5			
ПРЕС	8,1				

Только когда у избирателей появился реальный выбор, стало формироваться желание выбирать. В результате серьезным образом изменилось отношение астраханцев к самим выборам. Если летом 1999 г. только 13,5% жителей области считали, что от их

выбора зависит, кто будет управлять страной, то накануне выборов так считали более трети астраханцев.¹¹ Постепенно нарастает и понимание личной ответственности за судьбу страны – основополагающей идеи демократии. 42% жителей¹² Астраханской области заявили, что надеются только на себя, свои силы в решении насущных проблем.

На выборах 2007 г. стала складываться прямо противоположная ситуация: теперь у партии власти практически не стало оппонентов (см. табл. 2).

Но такая безоговорочная поддержка власти и ее партии таит в себе серьезные проблемы. С одной стороны, это поддержка не реально сильного политического института (партии), а ее лидера – В.В.Путина, у которого показатель поддержки значительно выше (66,1% астраханцев в 2004 г. и 77,3% в 2009 г.). Для большинства астраханцев лозунг «Единая Россия – партия Путина» имеет именно такое значение.

Таблица 3. *Распределение ответов на вопрос «За кого бы Вы проголосовали, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье? (сентябрь 2009 г.)»¹³.*

Район Астраханской области	За партию «Единая Россия»	За кандидата от «Единой России»
Камызякский район	62,7	45,3
Володарский район	80,2	60,5
Ахтубинский район	71,7	23,3
Черноярский район	65,2	21,7

Влияние фактора персонификации власти не становится менее значимым. Но «персональные» качества конкретного претендента на пост могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия. В ходе избирательной компании осени 2009 г. в Астрахани и области четко проявилось: партийная принадлежность партии «Единая Россия» не является гарантией поддержки кандидата от этой партии на муниципальных выборах (см. табл.3). Хотя при этом сама «Единая Россия» в рейтинге партий занимает, несомненно, лидирующее место (см. табл. 4).

Таблица 4. *Партийные ориентации жителей Астраханской области (июль 2009 г.)¹⁴*

¹¹ См.: Выборы должны состояться // МиГ, Астрахань. 1999. 30 ноября.

¹² По результатам социологических исследований «Социально-политические ориентации жителей Астраханской области» (выборка 500 чел. по квотной районной выборке). Астрахань, АГТУ. 1999; «Социально-политические ориентации жителей г. Астрахани» (выборка 500 чел.). Астрахань, АГТУ, 1999.

¹³ По результатам социологических исследований «Социально-политические ориентации жителей Астраханской области (июнь-август 2009 г.)» (выборка 738 чел.). Астрахань: АГТУ. 2009.

¹⁴ По результатам социологических исследований «Электоральные предпочтения жителей Астраханской области накануне муниципальных выборов (сентябрь-октябрь 2009 г.)» (выборка 567 чел.). Астрахань: АГТУ. 2009.

Проголосовал бы за эту партию, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье (июль 2009 г.)	Камызякский р-он	Лиманский р-он	Красноярский р-он	Енотаевский р-он	Черноярский р-он
1. «Единая Россия»	64,0	65,3	61,7	70,6	57,5
2. КПРФ	13,0	12,6	11,1	6,8	11,3
3. ЛДПР	3,2	4,8	1,7	6,1	9,4
4. «Справедливая Россия»	6,5	1,2	6,7	2,0	3,8
5. «Яблоко»	0,4	0,0	1,1	0,0	0,9
6. «Правое дело» (ДПР / СПС / «Гражданская сила»)	0,0	0,6	0,0	0,0	0,9
7. «Патриоты России»	0,0	0,0	0,6	0,0	0,0
8. другое	0,0		9,4	0,0	0,9
затрудняюсь ответить	7,8			9,1	5,7

И в муниципальных выборах в областном центре г. Астрахань персональный фактор способен проявиться весьма ярко. Несмотря на поддержку действующего мэра г. Астрахани С.А.Боженова не только региональным отделением партии «Единая Россия», но и ее федеральным политсоветом, появление в списках кандидатов яркой и узнаваемой личности депутата ГД РФ, члена «Справедливой России» О.В.Шейна может оказать серьезное влияние на результаты выборов.

Обращаясь к прошедшим 20-ти годам новой истории России, заметим, что и в феномене персонификации процесс «перетекания» реальной власти из регионов в Центр после 2000 г. стал очевидным. На Юге России, для которого характерны традиционалистская и государственническая ориентация и развитое региональное самосознание, в местной политике доминирует фигура регионального «патрона», выступающего не столько с идеологических, сколько с прагматических позиций.¹⁵ Астраханская область не стала исключением. Относительная стабильность жизни в регионе без серьезных национальных конфликтов, политических эксцессов и акций экономического протеста положительно отражалось на процессе легитимации местной власти: 58,6 % жителей области высказали удовлетворение результатами выборов главы Администрации области и через 3 года после их проведения (выборами Президента Б.Ельцина были довольны в 1999 г. 11,5%). В середине 1990-х гг. на вопрос «Кого Вы относите к политической элите?» наряду с президентом Б.Н.Ельциным (56,7%) жителями региона назывались В.В.Жириновский (34,3%), Г.А.Зюганов (45,2%), Г.Н.Явлинский

¹⁵ См.: Бирюков С.В. Легитимация статуса региональной политической власти // Вестник Моск. Ун-та, Сер.18. Социология и политология, 1997. № 4. С.82; Колосов В.А., Криндач. А.Д. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России // Политические исследования, 1994. №4. С.120-133 и др.

(23,6%) и другие политики федерального уровня. Большая часть астраханцев (63,4%) называла еще и фамилию астраханского губернатора А.П.Гужвина¹⁶. К середине 2000-х гг. этот список сократился до одной фамилии – В.В.Путин (89,3%) (с 2008 г. наряду с ним называется фамилия Д.А.Медведева (73,5%)).

С другой стороны, массовая поддержка власти часто не только свидетельствует о доверии к ней, но и способствует перекалыванию ответственности на власть, порождает иждивенческую, а часто и потребительскую позицию по отношению к ней, укрепляет этатистские настроения.

Исторический опыт жизни при эгалитарной системе на долгие годы закрепил в сознании бывших советских людей понимание справедливости как уравнительности, не вписывающееся в контекст либерально-демократической идеологии.

Большинство астраханцев¹⁷ (63,9%) согласны на изъятие в пользу государства незаконно нажитых состояний, трактуя эту «незаконность» весьма расширительно: и как «теневого» бизнес, и как близость к криминальным кругам, и как сокрытие доходов от государства, и даже как простую невозможность заработать много денег честным путем. Традиционализм и этатизм общественного сознания в значительной степени затрудняют процесс адаптации астраханцев, как и большинства россиян, к условиям свободного рынка, сохраняют высокую степень потребности в государственной поддержке и социальной помощи. Поэтому хотя в целом астраханцы не выступают против рынка (только 8,6% считают необходимым запретить приватизацию и ограничить свободу предпринимательства), но требуют сделать его цивилизованным.

Среди показателей, которые астраханцы хотели бы сохранить в любом случае, гораздо чаще отмечались те, которые выражают суть демократических идей (многопартийность, выборность органов власти, свободу слова и печати), чем либеральных (свободная конкуренция, минимально необходимая регулирующая роль государства, активизация механизмов рыночной экономики). Понятно, что жители страны не могут быть довольны существующим уровнем социальной поддержки, гиперинфляцией в результате рыночных реформ, неспособностью государства стабилизировать экономику. Но в то же время негативное отношение к либеральным реформам переносится на понятие демократии, хотя критерии, характеризующие его сущность, оцениваются более позитивно: довольно часто респонденты заявляют о своем разочаровании демократией, но при этом поддерживают и высоко ценят демократические

¹⁶ См.: Зелетдинова Э.А. Политические ориентации населения Астраханской области// Власть, 1999.№ 8. С.23.

¹⁷ По результатам социологических исследований «Социально-политические ориентации жителей Астраханской области (июнь-август 2009 г.)» (выборка 738 чел.). Астрахань: АГТУ. 2009.

институты и свободы. Происходит это во многом из-за подмены или смешения понятий демократии и либерализма и на уровне государственной идеологии, и на уровне массового сознания в результате многолетних утверждений, что проводимые в стране в 90-х гг. либеральные реформы носили демократический характер, а поддержка рыночных реформ – и есть свидетельство демократичности. Но вместе с тем практически никогда не подчеркивалось, что развитие рынка и свобода конкуренции при невмешательстве государства – это либерализм в чистом виде, а демократический характер он принимает, когда насыщается социальным содержанием, заботой о народе и защитой его интересов. Именно это сочетание служит основой процветания Америки, Германии, Швеции, Англии и других государств. Либерализм без реальной демократии обрекает народ на жалкое, нищее существование и обострение социальной напряженности.

Годы реформ постепенно восполняют недостатки демократического опыта населения. Последние 3-4 года постепенно меняется отрицательное отношение населения к предпринимательству как роду деятельности и социальной функции. Сегодня больше половины рабочих мест в области созданы в этой сфере деятельности, заработная плата в этом секторе экономики значительно выше, чем в государственном. Широкое освещение в прессе получают социальные и благотворительные акции местных предпринимателей. Экономические реформы не вызывают такого недовольства населения, как это было в первой половине 90-х гг. Необходимость развития рынка при условии его цивилизованности поддерживается сегодня большинством астраханцев.

Кроме того, при анализе политической культуры не следует упускать, что у населения провинции, которому ближе преемственность, чем новаторство, больше доверия вызывают хорошо узнаваемые лица политиков. Люди, чьи корни находятся на той же земле, чей рост происходил, что называется, «на глазах», кажутся более понятными и близкими.

Не менее важно учитывать уровень и характер политической поляризации региональной общности. Отсутствие реальной и сильной оппозиции постепенно снижает интерес к политике, лишает выборы интриги, которая часто становится стимулятором явки на выборы. Именно на этот аспект («Зачем ходить на выборы, если их результат известен заранее?») указывали астраханцы в ходе проведения федеральных выборов 2007-2008 гг.¹⁸ В оценке вопроса о необходимости оппозиции не следует упускать из внимания, что, с одной стороны, биполярная конфигурация неизбежно порождает голосование по принципу «наименьшего зла» и создает возможность для опоры

¹⁸ По результатам социологического исследования «Политические ориентации Астраханцев в период федеральных выборов 2007-2008 гг.» (сентябрь 2007 г. – апрель 2008 г.) (выборка 967 чел.). Астрахань: АГТУ. 2008.

избирательных программ на критике при отсутствии конструктивных действий. А с другой стороны, региональная власть реально не заинтересована в политическом противостоянии населения и стремится к единству всей региональной общности.

Именно поэтому региональная власть долгое время не поддерживала партийное строительство и не поощряла политическую активность в регионе. Активно стимулирующая процесс развития региональной идентичности она эффективно использовала местный патриотизм как обоснование собственной легитимности и не нуждалась в партийной аргументации. В ее интересах, напротив, было формирование так называемого контролируемого конформистского электората, который всегда голосует за «партию власти» и хорошо мобилизуем. Сегодня все силы региональной власти и властной элиты брошены на мобилизацию массовой общественной поддержки «Единой России» с использованием самых различных методов: от пропагандистских до сугубо административных.

В этих условиях вопрос о личной политической активности - наиболее сложный в процессе формирования демократического сознания и демократической политической культуры у населения. На вопрос о формах взаимодействия власти и народа астраханцы давали ответы, полностью вписывающиеся в структурно-функциональную модель властвования («мы выбираем, они должны обеспечить нам хорошую жизнь»), а формы контроля над властью были сведены к «отчетам перед избирателями», в форме которых проходят местные телепередачи «Депутатский час» и «Встречи с губернатором».

Политическое поведение астраханцев, как и в целом россиян, традиционно пассивно, поскольку при советском строе для стереотипов активного поведения не было ни правовых, ни институциональных, ни культурных, ни политических предпосылок. Общественное сознание в России вообще сложно поддается анализу с точки зрения нормативных требований демократии и требует обязательного учета качеств и характеристик феномена «советский человек». Представления о характере власти (персонализация) и ее роли в обществе (этатизм) определяют содержание ее функции – оправдания существующих властных отношений в обществе. (В них индивидуализм и интеграция на основе плюрализма западной модели легитимации еще не превалируют над уравнительностью и огосударствлением восточной модели легитимации).

Сохранение авторитарных ценностей способствует легитимации персонифицированной власти, эффективность которой оценивается не как результат деятельности абстрактного института, а как результат деятельности конкретных людей – членов властной элиты. А чаще одного, конкретного лидера. В то же время в общественном сознании не закреплены критерии выбора при участии в избирательных

кампаниях. В результате опросов астраханцев зафиксировано противоречие между критериями, влияющими на избрание (аксиологические основания), и влияющими на оценку деятельности и легитимность (структурно-функциональные основания). В сознании астраханцев нет четкого понимания разницы между желанием кандидата властвовать и его реальными способностями результативно исполнять обязанности и функции. Этот фактор негативно влияет на действенность механизмов легитимации власти, так же, как и вопрос об индивидуальных правах и свободах, который является наименее освоенным общественным сознанием. Кроме привычных «свободы слова» и «права голосовать» астраханцы практически не смогли назвать завоеваний демократии. Сложнейшей проблемой формирования демократического общественного сознания является усвоение тех новых явлений, которые стали символами современной демократии: расширение поля частного права; сужения поля вмешательства государства в личные интересы граждан; снятие политико-правовых ограничений на участие в политической жизни и публичной деятельности. А это закрепляет этатизм и потребность в социальной защите. Нет единства функциональных и нормативных ценностей: представления о демократии, ожидания от ее воздействия практически не влияют на личное поведение людей.

Основные преграды в решении этих задач лежат не в сфере деятельности властных элит и государственных органов, которые создали формальные условия для их решения, а в области общественного сознания.

В такой ситуации развитие институтов гражданского общества «снизу», самими общественными структурами до сих пор мало реализуем. Подчеркнем еще раз, что для развития рыночных отношений и укрепления социально-экономических реформ, для успешного решения поставленных задач власть и властная элита сами заинтересованы в развитии институтов гражданского общества, так как без них в решении все более укрупняющихся социально-экономических программ органы власти и элита испытывают перегрузку. Как федеральная власть сама инициировала создание Общественной палаты и стимулировала развитие оппозиционной партии («Справедливая Россия»), так и в Астраханской области региональная власть по аналогии создала региональную общественную палату, различные общественно-консультационные советы и т.д.

В общественном сознании вера в легитимность демократии, как показали исследования, превалирует над верой в ее краткосрочную экономическую эффективность. А это самым непосредственным образом отражается на легитимации власти, главным критерием оценки деятельности которой и является эффективность, причем эффективность наглядная, выраженная в конкретных цифрах. Нарастивание темпов

экономического развития в последние три года дали населению основания рассчитывать на экономическое и социальное благополучие. Но с другой стороны, периоды относительного благополучного развития порождают высокие ожидания, и для их оправдания требуется наращивание темпов роста. Даже сохранение достигнутого уровня (не говоря уже об их замедлении) может породить недовольство и снизить показатели легитимности власти.